Курапты. — 1996. — 6 марта. — с. 7.

Игорь Кио утверждает, что чудес НЕ БЫВАЕТ

и сам же их творит

Игорь Кио всегда в центре. Фото ИТАР-ТАСС

О.Ю. Игорь Эмильевич, наконец-то допил ваш невкусный чай фокусника. Или он фальшивый, вовсе не индийский, или я рвусь в беседу с вами, как лошадь на манеж. Привыкайте к моей неблагодарности и бесчувственности. Давайте, вы зададите тон беседы. Начнем с этой фотографии, где вы с Пугачевой.

И.Э. Мы вместе делали на Центральном телевидении программу, которая называлась "Новогодний аттракцион". Я и Алла были ведущими этих программ. Если не помните, объясню суть. Там, на манеже, в новогоднюю ночь работали в меньшей степени цирковые артисты, а в большей — артисты театра, кино, эстрады. Притом Пугачева летала под куполом цирка и пела, Боярский скакал на лошади, Абдулов не падал с каната, в общем, это было очень необычное шоу. Новое по форме. Снимал его режиссер Евгений Гинзбург — самый известный режиссер развлекательного телевидения. Хотя прошло уже больше 10 лет, до сих пор спрашивают, почему нет этих программ. И поскольку мы были ведущими, драматургически так все было построено, что Алла была как бы моей главной партнершей и попала во все мои иллюзионные номера. Я ее сжигал, она превращалась во льва, и были какие-то другие фантастические трюки. Могу сказать, что она человек предельно целеустремленный и отчаянный. Делала все очень лихо. Публика была в восторге. Вот, не взыщите, таков моментальный, требуемый вами портрет Пугачевой.

О.Ю. Я вижу у вас на столе бумагу и ручку. Напишите себе пять фамилий гениальных, знакомых вам артистов, о которых вы, не скучая, могли бы рассказать читателям.

И.Э. Что значит говорить об известнейших актерах? Ну заставлю я себя допустить, что их не больше пяти. Сосчитаю их в масштабах России. И, естественно, они окажутся актерами международного порядка, что ли. Но мы жили в закрытом обществе, и к тому же незнание языков актерами как бы оставляло их в тени этого международного уровня. Чтобы выйти, скажем, на какой-то голливудский уровень, нужно знать хотя бы английский. Там ведь не признают дублирования. Я не склонен считать, как многие пренебрежительно говорят: что там Голливуд, это ерунда, а мы лучше, наши актеры сильнее. Конечно, всегда были и есть таких пять актеров мирового порядка, как, например, А.И. Райкин. Я вспомнил его первым оттого, что все, должно быть, согласятся, что он артист какого-то неизвестного жанра, это загадочное явление, как, может быть, и другие, которых я дальше мог бы перечислить. И хотя похожими быть на них невозможно, я в свое время у Райкина пытался учиться.

О.Ю. Мне захотелось, чтобы вы меня увидели загадочным интервьюером. Я меняю замысел. Расскажите: как вы стали иллюзионистом, не превратились ли тут же в маньяка, мечтающего стать первым фокусником планеты?

И.Э. В отличие от всех нормальных детей я с самого раннего детства был приобщен к профессии своего отца. Он меня выпускал, когда я был совсем крохотным, в костюме лилипута, и в чем-то ему помогал. С раннего детства я знал, что буду заниматься его делом, хотя отец мой прожил парадоксально скучную жизнь в искусстве, потому что не имел конкуренции. Вот такой счет был высокий, и если продолжаешь его дело, то уровень подразумевался тот же.

О.Ю. Высокий уровень мастерства или гениальности вызывает и обострение звездной болезни.

Слабой ведь нельзя насытиться?

И.Э. Да, конечно.

О.Ю. А было ли в Райкине нечто противоположное, здоровое, что вас умиляло, трогало? Непосредственность это или детскость, или что-то третье?

И.Э. Я один раз был свидетелем случая, который навсегда запомнил. Аркадий Исаакович был очень мрачным человеком в жизни. Редко улыбался. Был весь в себе и, когда находился в обществе, никогда не шутил, не был душой общества, а старался не привлекать к себе внимания. В отличие, кстати, от вас, Олег. Одним словом, был человек закрытый. И я вспоминаю в этой связи историю, случившуюся в 1958 году. В Москву приехал французский цирк, который работал на Цветном бульваре. И в этом цирке были буффонадные клоуны, довольно известная цирковая такая семья. Братья Фраттелини. Это были удивительные артисты. Ведь комик, как правило, не имеет какого-то особого реквизита, даже особого репертуара, но, чтобы ни делал комик Божьей милостью, все будет смешно. Этих Фраттелини советские критики пытались ругать на страницах многих газет, отталкиваясь от их номера, суть которого была довольно странной — они друг друга били по морде 30 минут. Били по морде, валяли дурака, но, поскольку они были клоуны от Бога, это было безумно смешно. Однажды на одно из представлений пришел Аркадий Исаакович. И я на всю жизнь запомнил именно такого Райкина, который от хохота падал со стула, у которого была истерика, который... Которому, вот еще чуть-чуть, от этого смеха могло быть плохо и нужна была бы помощь врача. И такого Райкина, мне кажется, никто, кроме меня, не помнит.

О.Ю. Игорь Эмильевич, вам уже интересно беседовать со мной или пока только допускаете, что может стать интересно в любую минуту?

И.Э. Ну почему же, не волнуйтесь, уже получаю удовольствие.

О.Ю. Если вы не фокусничаете, то ведете себя как христианин. Сами себя таким сделали или кто-то помог?

И.Э. Не могу сказать, что я человек убежденно неверующий или, наоборот, как-то воспитан в христианском духе.

О.Ю. Вам никогда не казалось, что все религии мира как бы ассистируют величайшему фокуснику — господу Богу?

И.Э. Нет, я так не считаю. Просто я как-то оказался вне религии. Не было религиозного воспитания, ни еврейского, ни православного, никакого...

О.Ю. Ну а доброта, отпущенная природой Игорю Кио? На что вы ее тратите, не боитесь израсходовать преждевременно?

И.Э. Сложный вопрос. Можно ли поконкретней?

О.Ю. После того как делаете добро, не ждете благодарности?

И.Э. О себе всегда трудно говорить, но я, например, получаю удовольствие от того, что могу сделать что-то хорошее для людей, которых люблю. Да, я получаю от этого удовольствие.

О.Ю. Вы думаете, что ваша профессия — это еще и самое красноречивое выражение, доказательство вашей доброты?

И.Э. Нет. Я не думаю так, потому что не считаю себя артистом, реализованным до конца.

О.Ю. Вы уступаете отцу в мастерстве?

И.Э. Ну как вам сказать?.. Я только продолжатель его дела, а он огромный новатор. Создатель не просто нового дела, но своеобразного направления в этом жанре. Ведь вообще считалось, что на цирковом манеже фокусники не должны работать. Публика сидит вокруг... Ну и потом он сделал из жанра мистического и таинственного жанр легкий, развлекательный. Превратил его в шоу. После он стал смеяться над своими фокусами, думаю, это тоже огромный шаг. И, наконец, он театрализовал некоторые свои номера... Сделал из них своеобразные осмысленные сценки, пантомимы и так далее. И в этом плане я опять лишь продолжаю его дело.

О.Ю. Может, вы должны были открыть совсем другую дверь и должны были стать садовником, космонавтом, бандитом?

И.Э. Нет, в другой деятельности я себя не видел никогда и, наверное, уже не увижу.

О.Ю. Согласитесь, что это трагедия не такая большая, как пушкинские маленькие трагедии, ну средняя, может быть. Или вы примирились с известным выражением: на детях гениев природа отдыхает?

И.Э. Я не примирился, я так не считаю. Просто с позиции опыта и жизни я знаю о том, какой могла бы быть программа, какой должна бы быть. И вот это все не реализуется до конца, потому что когда я работал при советской власти в государственном цирке, то круглый год давал по 600 представлений в год, был в так называемом цирковом конвейере, должен был обслуживать все цирки. За 30 лет моей работы мне не дали недели репетиционного периода. Мне не давали средств на создание нового. Считали, что и так ходят люди, поэтому нерентабельно, мол, вкладывать деньги.

О.Ю. Я еще не научился вас слушать. Мне показалось, что вы теперь жалуетесь. Ведь это не так?

И.Э. Да, не так. Я не жалуюсь. Во-первых, что толку после драки кулаками... И, во-вторых, я был благополучным человеком. Не подвергался никаким гонениям.

О.Ю. Но вы жили среди обездоленных людей. Невозможно ведь сносно жить, тем более благополучному человеку, в таком окружении...

И.Э. Это приходит на ум сейчас — потребность в переосмыслении. Тогда я об этом не думал. Я выезжал за рубеж, и никогда меня не закрывали, почти не закрывали (кроме времени моего второго брака). Плюс я жил в какой-то эйфории отсутствия конкуренции. А сейчас все сложнее. Я свободен и независим, у меня своя компания, я не завишу от государственных цирков, но теперь связан тем, что уже нужны несколько миллионов долларов для такой настоящей программы и средств этих нет и...

О.Ю. Ваша интуиция не изменила ли, как вам кажется, я найду деньги для вас у банкиров?

И.Э. Я не допускаю этого не потому, что не верю вам, а потому, что не верю нашим банкирам, за редким исключением. И очень жалею о том, что не верю. И, дорогой Олег, я сам что-то попытаюсь сделать, не сошелся свет клином на банкирах.

О.Ю. Ну не понимаю, как можно жалеть, что не веришь банкирам?!

И.Э. Я давно уже думаю о том, что надо бы сделать книжку. И опять нужно думать о банкирах... Да, кстати, я ищу человека, который бы мне помог...

О.Ю. Ну чем я плох... Набиваюсь, очень вам рекомендую себя в редакторы... Вам ведь нравится суматоха, которую я поднял в вашем чинном офисе?

И.Э. Ну, когда я прочту материал... (*очень неуверенно*). Наверное... Возможно.

О.Ю. Мне кажется, вы сделаны из противоречий. На конкурсе противоречивых людей вы бы заняли первую тумбу, простите, мы в цирке, и я оговорился — первое место. С одной стороны, вы для меня темная лошадка. Но есть и ощущение, что вижу вас насквозь, но не знаю про вас одного: сколько вам лет?

И.Э. (*покорно*). Я 44-го года рождения.

О. Ю. Ай, ай. Я старше вас, но думаю, что выгляжу моложе. Допустите, что так на самом деле. Тогда вам обидно?

И.Э. Я не задумываюсь над тем, как выгляжу, меня это как-то не очень волнует.

О.Ю. А вообще-то люди вам еще любопытны? Как 30 лет назад?

И.Э. Нет, конечно, нет.

О.Ю. Вам знакомы гении — дворники, проститутки, шофера?

И.Э. Гениальные люди есть в любой области.

О.Ю. Как их зовут, какая была профессия?

И.Э. Что значит гениальность? Гениальность у меня ассоциируется с профессиональным каким-то умением человека, а не просто когда человек от природы неординарен.

О.Ю. Мой сосед, милиционер, с которым я курю у лифта, делит всех женщин на проституток и тех, кто удержался от этого соблазна, но они еще хуже, добавил он, оттого что выпендриваются. Не хотите прокомментировать его "гениальное" наблюдение?

И.Э. Женщина — слабое существо, поэтому каждую можно заподозрить в чем угодно...

О.Ю. Снизойдите еще раз до меня и милиционера, разрубите всю прекрасную половину человечества на какие-нибудь равные или неравные части.

И.Э. Ну, я не знаю, по какому признаку кромсать... Правда, не знаю, но всю жизнь женщины для меня делились на две категории. На тех, которые представляли для меня интерес, и на тех, кто не представлял. Этот ответ может быть банален, но...

О.Ю. Какая большая половина — та, что вам нравилась?

И.Э. Олег, вы, что, с ума сошли?

О.Ю. Спасибо, спасибо, мне немножко легче, не я один говорю гадости. Ваш тип женщины "искра", пробегающая между мужчиной и женщиной, — испытали вы все это на своей шкуре?

И. Э. Естественно.

О.Ю. Что же за тип вашей женщины?

И.Э. Надо сказать, что он не менялся. Тем более странно, потому что проходит определенный возраст и наступает следующая какая-то фаза развития. Естественно, смотришь на жизнь другими глазами, на женщин в том числе. Но есть какие-то важные для меня основополагающие женские качества. Прежде всего это женственность, мягкость, сексуальность. И что бы не напоминала мне М. Тэтчер.

О.Ю. Если с возрастом вы делались добрее, совершеннее, то это заслуга женщин?

И.Э. Да, возможно! Хотя достаточно редко это было. Два раза в жизни.

О.Ю. В чем вы изменились более всего?

И.Э. Добавилось цинизма, какого-то более трезвого восприятия жизни. Скажу, что восторженного поубавилось. Хотя добавилось в жизни каких-то теплых тонов, становишься меньшим оптимистом и большим реалистом. Увы, я также окончательно привык к мысли, что не встречу гениальную женщину.

О.Ю. А с чего бы это? Когда вы начали искать такую женщину? Вдруг ощутили себя достойным ее?

И.Э. Считаю себя достойным, чтобы ее не встретить, ибо не хочу больше разочарований.

О.Ю. Боюсь, что вы заодно искусно скрываете свое разочарование от нашей беседы или будете разочарованы газетой, но я был бы просто счастлив, если под занавес вы мне ответите: чудеса существуют?

И.Э. В цирке отсутствует занавес, поэтому, будучи открытым со всех сторон, занимаясь массовым производством чудес, ответственно и торжественно отвечаю: чудес не существует.

Беседу вел Олег ЮЛИС.